

Н. П. ИЛЬИН (фото А. Задыкина).

Ф. А. КУБЛИЦКИЙ, А. А. КУБЛИЦКИЙ, А. А. БЛОК, Л. Д. БЛОК. Шахматово. 1911 год (из собрания Н. П. Ильина).

ЗДЕСЬ ВСЕ— О БЛОКЕ

Владимир
ЕНИЩЕРЛОВ

к произведениям поэта; иконография Блока — подлинная фотография, прижизненные портреты; иконография родственников Блока и близких ему литераторов; фотографии и зарисовки мест, связанных с жизнью и творчеством Блока; мемориальные вещи.

Конечно, это деление не полное и в достаточной мере условное. Но оно дает первое представление о собрании Ильина, в котором с исчерпывающей полнотой были подобраны все прижизненные издания произведений поэта, начиная с «Литературно-художественного сборника» студентов С.-Петербургского университета, изданного в 1903 году под редакцией доцента Б. В. Никольского. Здесь опубликованы три стихотворения Блока, заставка к ним сделана студентом Богословским. Среди иллюстраторов редчайшего ныне сборника — молодой Билибин. Редактировал иллюстрации Репин.

Собирательская деятельность Ильина была связана с глубокой исследовательской работой. Постепенно накапливались знания, и со временем Николай Павлович стал авторитетнейшим знатоком биографии и текстов Блока.

Он снимал со своей полки единственное прижизненное издание стихотворений Аполлона Григорьева, вышедшее в 1846 году тиражом всего 50 экземпляров, — и следовал подробнейший рассказ о Блоке и Григорьеве, о семье его бабушки — Карелиных, которым когда-то Григорьев подарил точно такой сборник, оставшийся в библиотеке Блока, о работе поэта над составлением сборника стихотворений Ап. Григорьева...

Прекрасно представлены в этой коллекции издания революционной поэмы «Двенадцать». Здесь и первая публикация в мартовском номере 1918 года газеты «Знамя труда», вторая — в журнале «Наш путь» в апреле 1918 года, первое отдельное издание в издательстве «Революционный социализм» и второе — в «Альфонсе» с прекрасными иллюстрациями Юрия Анненкова. Тираж этой книги очень мал — всего 300 экземпляров. Ильину удалось найти и сохранить подлинный рисунок Ю. П. Анненкова — вариант «Катки», по поводу которого Блок написал художнику известное письмо, проясняющее отношения самого поэта к этому образу. Очень интересен и еще один лист Анненкова — петербургский пейзаж. Он выполнен до начала работы художника над иллюстрациями к поэме, но как точно передан в нем дух после-революционного Петрограда, те характерные черты, которые были позже развиты художником

тщательнейшим образом изучались, обрабатывались собирателем. Отмечались все последующие публикации того или иного стихотворения, разночтения каноническим текстом. Так велась тщательнейшая текстологическая работа, результатом которой стал новый, уточненный комментарий к каждому стихотворению — история создания, все публикации и прочее. Тем самым со всей тщательностью проделана огромная подготовительная работа, которая окажется неоценимой при подготовке академического собрания сочинений Блока.

Ильиным были собраны многие надписи Блока на книгах, хранящиеся в государственных и част-

саны внутреннее убранство шахматовского дома, мебель, цвет обоев, но даже встречаются рисованные планы дома и флорилея, описания цветов и растений, посвященных Блоком, упоминаются книги, которые привозились в усадьбную библиотеку, подробнейшим образом описаны хозяйственные постройки и т. д.

...Конечно, не только удачи были на многотрудном пути собирателя. Не всегда встречал он доброжелательное понимание, порой приходилось ему с горьким чувством уходить от людей, не способных уяснить истинное значение хранящихся у них материалов, не желавших рваться в пыли чердаков и сараев в поисках рукописной странички, старой газеты, пожелтевшей фотографии. Но, преодолевая эти препятствия, собиратель упорно шел к своей цели. И здесь мне кажется необходимым подчеркнуть своеобразие библиофильской деятельности Н. П. Ильина. История отечественного собирательства знает много великолепных частных библиотек, коллекций гравюр, экслибрисов и т. п. Существовали и существуют настоящие одаержимые, увлеченные люди, способные годами разыскивать недостающую книгу. И все же деятельность коллекционеров зачастую остается «вещью в себе», способом заполнить свободное время, а их коллекции в результате оказываются ухушенными копиями отделов краеведческих музеев или библиотек.

Я не могу привести аналогов собрания Ильина. Быть может, лишь всемирно известная Пушкиниана Онегина, приобретенная государством для Пушкинского Дома. Ильин поставил целью сохранить все возможное, относящееся к великому поэту, России XX века, осознавая, что личность писателя связана с жизнью многообразно и утеря какой-либо из этих связей скроет от исследователя какую-то черточку в нем самом и в его эпохе. Поэту для собирателя не существовало мелочей, он упорно и терпеливо вел розыски книг, автографов, рисунков, сопоставляя факты, изучая архив современников поэта.

И все же собрание его никогда не приобрело бы своего выдающегося значения, если бы не встречал он постоянное внимание и поддержку со стороны людей, близких Александру Блоку.

Необычайно интересны, например, материалы, полученные Ильиным от вдовы задушевного друга Блока — Евгения Павловича Иванова. Воспоминания Евгения Павловича о Блоке — одни из важнейших в мемуарной литературе о поэте. Кропотливо, слово за словом расшифровывал Ильин эти записи. «Это моя невеста!» — сказал А. Б. революции и поверил ей, — пишет честнейший Иванов, и эти слова, как вспышка, освещают судьбу Блока. Среди бумаг Ивановых есть и письма его сестры Марии Павловны, которой посвящено знаменитое стихотворение «На железной дороге», 14 октября 1913 года она писала поэту: «Вы считаете «Розу и крест» своей лебединой песнью... Но я верю, что Ваш настоящая лебединая песня будет еще прекраснее и совершеннее». Поистине пророческие слова.

Книги и журналы, принадлежавшие Е. П. Иванову, подготовленная им к печати переписка с матерью поэта — все эти бесценные реликвии органически влились в Блокиану Ильина.

Одной из важнейших частей блоковского музея стали, конечно, материалы, переданные собирателем певицей Любовью Александровной Дельмас. Н. П. Ильин часто встречался и хорошо знал А. А. Дельмас, женщину, не на одно «чудное мгнове-

ние», а на годы оторвавшую поэта от жуткой действительности, давшей ему отдых и забвение от «страшного мира». А. А. Дельмас живо интересовалась собирательской деятельностью Ильина. «Мы одного деем друга, правда?» — написала она на обороте своего портрета, подаренного Ильину. На этой фотографии изображена Любовь Александровна в роли Кармен.

Николай Павлович много работал в архиве певицы, обнаружил там целый ряд неизвестных блоковских документов, которые помог подготовить к публикации. Собиратель тщательнейшим образом записал воспоминания Дельмас, помогающие воссоздать историю встречи, вдохновившей поэта на создание цикла стихотворений, признанного ныне одной из вершин мировой любовной лирики.

Очень любопытна переписанная рукой Блока для Любови Александровны эпиграмма Баратынского «Не трогайте Парнасского пера...». Любовь Александровна вспоминала, что Блок составлял ей списки книг для чтения, а стихи наиболее близких поэтов переписывал собственноручно. Таково происхождение этого автографа.

Во время театральных спектаклей и концертов, на которых поэт бывал вместе с Любовью Александровной, он часто писал ей несколько фраз, вырвав листок из своего блокнота. На одном из листков 30 марта 1914 года фраза: «Мейерхольд — необыкновенно милый и грустный человек». А еще в 1910 году Мейерхольд писал: «Александра Александровна Блока я полюбил еще до встречи с ним. Когда расстанусь с ним, унесу с собой любовь к нему прочную навсегда. Люблю стихи его, люблю глаза его, А меня он не знает...».

18 марта 1914 года Блок записал в дневнике: «Да, я напишу цикл стихов и буду просить принять от меня посвящение». И вот текст посвящения, набросанный карандашом на четвертушке бумаги: «Я хочу печатать так: Посвящается Любови Александровне Дельмас, и больше ничего — без «певице» или «артистке», потому что стихи посвящаются не только певице и артистке. А вдруг есть такая другая?» Бережно хранил в своей библиотеке Николай Павлович Ильин небольшой театральный журнал, издававшийся Мейерхольдом, — «Любовь к трем апельсинам», №№ 4—5, вышедший декабря 18 1914 года. Здесь впервые напечатан цикл «Кармен» со словами: «Посвящается Любови Александровне Дельмас». Ее имя обессмертил Блок, как некогда Пушкин обессмертил имя Анны Керн:

Я буду петь тебя, я небу
Твой голос передам!
Как иерей, свершу я требу
За твой огонь — звездам!
Ты встанешь бурною волною
В реке моих стихов,
И я с руки моей не смою,
Кармен, твоих духов...

Непокорная независимость, жизнелюбие этой необычной женщины привлекли поэта, и она вошла в его мир, дав ощущение полноты, земного счастья. У Ильина хранился лист бумаги с написанными Блоком в эти годы строками: «Пусто, дико, страшно, бездомно...». Человеку, сказавшему эти горькие слова, мелькнула при встрече с простой, отступающей право на земную радость женщины «возможность счастья». И это дало мощный творческий импульс его музе.

Это был единственный музей великого поэта в нашей стране. Дитя одного человека, коллекция Ильина жила и работала так напряженно, что нельзя было не удивиться энергии и неутомимости Николая Павловича. К

нему постоянно приходили любители поэзии, в одиночку и группами. И всех ожидал добрый прием и подробнейший рассказ об Александре Блоке. Я не раз встречал в доме Ильина студентов-филологов и аспирантов, маститых ученых и писателей. Здесь буквально кипела исследовательская и научная работа. Почта Ильина была огромна. Ему писали не только из всех уголков страны, но из Польши и ГДР, Венгрии и Чехословакии, ФРГ и Англии, Франции и США. В квартире Николая Павловича можно было встретить ученых-блоковедов и исследователей поэзии начала века из многих стран мира. Блоковское собрание, его квартира стали настоящим центром блоковедения. Результаты сотрудничества литераторов и собирателя не замедлили сказаться. Вышедшая в Польше интереснейшая книга литературоведа А. Галлиса «Восемнадцать дней Александра Блока в Варшаве» создана автором в теснейшем содружестве с Н. П. Ильиным, предоставившим свой архив в полное распоряжение польского исследователя и практически руководившим им в поисках блоковских материалов в Польше.

Трехтомное издание собрания сочинений А. Блока, выпущенное в 1977 году в ГДР, отличается прекрасным подбором иллюстраций. Почти все они получены немецкими издателями от Н. П. Ильина.

Большое количество документов, фотографий, рукописей из ильинского собрания используется в своей интересной, вышедшей к изданию в Англии биографии Блока литературовед Аврил Пайман.

И, конечно, материалы, собранные Ильиным, обогатили многие книги и статьи о Блоке, опубликованные в нашей стране. А Горелов в предисловии ко второму изданию своей книги «Гроза над соловьиным садом» пишет: «И вновь мне нужно повторить слова благодарности Н. П. Ильину, чья любовь к поэзии А. Блока и готовность помочь тем, кто пишет о Блоке, щедро проявилась и при подготовке этой книги». К этим словам могут присоединиться многие — и А. Турков, автор книги «Александр Блок» в серии ЖЗЛ, и Ст. Лесневский, подготовивший исследование «Блок в Москве и Подмоскovie», и автор этих строк, и редакционная коллегия прекрасного тома литературного наследства «Александр Блок. Письма к жене» — издания, в выпуске которого Н. П. Ильин принимал активнейшее участие.

«Когда умру — пусть найдутся только руки, которые сумеют наилучшим образом передать продукты моего труда тем, кому они нужны», — писал Александр Блок. Я всегда вспоминал эти слова, когда встречался с Николаем Павловичем Ильиным. Более тридцати лет составлял он свою Блокиану и незалого до смерти передал свое собрание в Музей истории Ленинграда для создающегося в городе на Неве музея Александра Блока. Возможно, более органично вошло бы собрание Ильина в шахматовский музей поэта, но вопрос о блоковском заповеднике в Подмоскovie не был решен при жизни собирателя, как, увы, не решен он и ныне.

Собрание Н. П. Ильина, сохранившее живую память об А. Блоке, стало ныне достоянием государства, оставшись прекрасным памятником великому русскому поэту и Н. П. Ильину, отдавшему так много сил, любви и поистине подвижнического труда созданию своего прекрасного собрания.

Более же полное описание коллекции Ильина будет опубликовано в одном из ближайших выпусков «Альманаха библиофила».